

ТРАГЕДИЯ ЗА СТАКАНОМ ГРОГА

Тебе, друг мой Тата,
дарю я этот рассказ
в память нашего свидания
в Неаполе.

28 сентября 1863 г.

Очерки, силуэты, берега беспрерывно возникают и теряются, - вплетаюсь своей тенью и своим светом, своей ниткой в общую ткань движущейся с нами картины.

Этот мимо идущий мир, это проходящее, все идет я все не проходит - а остается чем-то всегдашним. Мимо идет, видно, вечное - оттого оно и не проходит. Оно так и отражается в человеке. В отвлеченной мысли - нормы и законы; в жизни - мерцание едва уловимых частных и пропадающих форм.

Но в каждой задержанной былинке несущегося вихря те же мотивы, те же силы, как в землетрясениях и переворотах, - и буря в стакане воды, над которой столько смеялись, вовсе не так далека от бури на: море, как кажется.

...

Я искал загородный дом. Утомившись одними и теми же вопросами, одними и теми же ответами, я взошел в, трактир, перед которым стоял столб, и на столбе красовался портрет Георга IV - в мантии, шитой на манер той шубы, которую носит бубновый король, в пудре, с взбитыми волосами и с малиновыми щеками. Георг IV, повешенный, как фонарь, и нарисованный на большом железном листе, - не только видом напомнил путнику о близости трактира, но и каким-то нетерпеливым скрежетом петлей, на которых он висел.

Сквозь сени был виден сад и лужайка для игры в шары, - я прошел туда. Все было в порядке, - то есть совершенно так, как бывает в загородных трактирах под Лондоном. Столы и скамьи под трельяжем, раковины в виде руин, цветы, посаженные так, чтоб вышел узор или буква; лавочки сидели за своими столами с супругами (может быть, не с своими) и тяжело напивались пивом, сидельцы и работники играли шарами - тяжести и величины огромного пушечного ядра, не выпуская из рта трубки.

Я спросил стакан грогу, усаживаясь в стойло иод трельяжем.

Толстый слуга в очень истертом и узком черном фраке, в черных и лоснящихся панталонах приподнял голову и вдруг, как обожженный, повернулся в другую сторону и закричал: "Джон, водки и воды в восьмой номер!" Молодой, неловкий и рябой до противности малый принес поднос и поставил передо мной.

Как ни быстро было движение толстого служителя, но лицо его мне показалось знакомо; я посмотрел, - он стоял спиной ко мне, прислонясь к дереву. Фигуру эту я видел... но, как ни ломал себе голову, вспомнить не мог; удрученный, наконец, любопытством и улучив минуту, когда Джон побежал за пивом, - я позвал слугу.

- Yes, sir! [Да, сэръ! (англ.)] - отвечал спрятавшийся за дерево слуга, и, как человек, однажды решившийся на трудный, но неотвратимый поступок, как комендант, вынужденный сдать крепость, - он бодро и величественно подошел ко мне, несколько помахивая грязной салфеткой.

Эта величественность и показала мне, что я не ошибся, что я имею дело с старым знакомым.

...Три года тому назад останавливался я на несколько дней в одном аристократическом отеле на Isle of Wight [острове Уайт (англ.)]. В Англии эти заведения не отличаются ни хорошим вином, ни изысканной кухней, а обстановкой, рамами и - на первом плане прислугой. Официанты в них совершают службу с важностью наших действительных статских советников прежнего времени - и современных камергеров при немецких задних дворах.

Главным Waiter'ом в "Royal Hotel" [официантом в "Королевском отеле" (англ.)] был человек неприступный, строгий к гостям, взыскательный к живущим, он бывал снисходителен только к людям, привычным к отельной жизни. Новичков он не баловал и вместо ободрения - взглядом обращал назад дерзкий вопрос: "Как могут котлета с картофелем и сыр с латуком стоять пять шиллингов?" Во всем, что он делал, была обдуманность, потому что он ничего не делал спроста. В градусе поворота головой и глазами и в тоне, которым он отвечал "Yes, sir", можно было до мелочи знать лета, общественное положение